

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Г94

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Гумилев, Лев Николаевич.

Г94 Древняя Русь и Великая степь / Лев Николаевич Гумилев. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 960 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-100425-5

Книга Л.Н. Гумилева посвящена одной из самых сложных и запуганных проблем отечественной истории — вопросу взаимоотношений Древней Руси и кочевников Великой степи на протяжении всего Средневековья. Увлекательная и эмоциональная, написанная безупречным языком, эта работа стала блестящей попыткой реконструкции подробной и целостной картины истории Евразии в XI–XIV веках.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-17-100425-5

© Л. Н. Гумилев, наследники, 2015
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

На представленных страницах Л. Н. Гумилев предлагает своим читателям увлекательный (как всегда у него) опыт реконструкции русской истории IX—XIV вв. Это именно реконструкция, где многое раскрывается благодаря воображению ученого. Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование. Если идти вслед за бедными источниками, посвященными этому времени, устанавливать только то, что может быть установлено с полной достоверностью, то все равно мы не гарантированы от непонимания истории, ибо историческая жизнь, несомненно, богаче, чем это можно представить только по источникам. И все-таки любое, самое строгое, следование за источниками невозможно без элементов реконструкции. У Л. Н. Гумилева элементов реконструкции больше, чем у других историков, стремящихся к «усредненности» выводов, но в этом и преимущества Л. Н. Гумилева. Он обладает воображением не только ученого, но и художника.

Спорить с Л. Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л. Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое.

Сходную картину реконструкции церковно-политической жизни Киевской Руси дал в свое время такой тонкий и строгий источниковед, как М. Д. При-

селков. Реконструкция М. Д. Приселкова до сих пор не утратила своего значения. Совсем не совпадающая с ней по направлениям, но сходная по методике реконструкция русской национальной жизни дается Л. Н. Гумилевым. Совершенно уверен, что она вызовет не меньший интерес, чем в свое время вызвала реконструкция церковно-политической жизни М. Д. Приселкова.

Книга Л. Н. Гумилева читается как роман. Автор имеет право на такого рода «роман» — сейчас это крупнейший специалист по трактуемым вопросам. Концепция Л. Н. Гумилева не столько расходится с существующей точкой зрения на взаимоотношения Руси и Степи, сколько перекрывает эту точку зрения, демонстрируя всю сложность ситуации. Конечно, с Л. Н. Гумилевым можно спорить по отдельным частностям, но стоит ли это делать? Надо дать возможность Л. Н. Гумилеву в короткой (иногда кажется, даже кратчайшей) форме изложить свою концепцию. Концепция же Л. Н. Гумилева имеет одну очень важную сторону: она смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор. И это сделано с огромными знаниями, которые ощущаются за каждой строкой книги. В этом концепция Л. Н. Гумилева, как мне кажется, целиком соответствует основной идее понятия «дружба народов».

Предлагаемая работа на первый взгляд кажется написанной без соблюдения принятых правил и композиции, включающей: постановку проблемы, разбор источников и литературы, изложение и вывод. Но только на первый взгляд. Если вдуматься, то очевидно, что все это есть и подано отнюдь не банально.

В начальных главах автор излагает свое отношение к истории культуры и этнической истории, а также к проблеме использования источников. Бесспорно, он прав в том, что строить широкую историческую панораму только на источниках, игнорируя всю критическую литературу и сводные, обобщенные работы, невозможно. Тем не менее следует учитывать, что не все

частные проблемы истории и истории культуры такого темного периода, как I тысячелетие н. э., достаточно освещены. Поэтому, признавая за автором право опираться на обобщения, уже сделанные его предшественниками, мы не можем не потребовать, чтобы отношение к ним было в меру критическим, а любое приятие или неприятие того или иного тезиса — аргументированным.

Во второй главе мы находим вместо перечня источников точку зрения автора на историю культуры и этногенеза. Эта глава начинается с философского экскурса, где уточнен ряд терминов, употребляющихся в работе, затем изложены историко-географическая и этнологическая концепции, и только после этого автор объясняет, «без чего следует обойтись». Он указывает, что библиография проблемы Хазарии критически учтена в книге М. И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962), редактором которой был сам Л. Н. Гумилев. Евразийская степь описана им же в «Степной трилогии», а данные по Древней Руси почерпнуты из комментария к «Повести временных лет» (М.; Л., 1950), составленного мною. Действительно, повторять работу нет смысла, за исключением тех случаев, когда вывод исследователя расходится с распространенным, устаревшим, но принимаемым без критики мнением.

Автор строит свое рассуждение, опираясь не столько на анализ фрагментов памятников, уцелевших от тех времен, сколько на системные связи, при которых история событий играет роль индикатора интенсивности исторического процесса.

Этот синтез ранее не применялся, так как не были известны величины, соизмеримые для военной истории, этногенеза и истории культуры. Л. Н. Гумилев в качестве моста между этими науками предложил открытое им явление — пассионарность, благодаря чему был осуществлен исторический синтез.

Не останавливаясь на достигнутом, Л. Н. Гумилев привлек к анализу истории культуры физическую географию. Правильно учитывая связь эконо-

мики натурального хозяйства с уровнем благосостояния древних обществ, а тем самым с их военной мощью, автор сопоставляет исторические события и колебания климата степной зоны Евразии. Этим способом он получил ряд уточнений, позволивших ему подробно обрисовать историко-географический фон, на котором сталкивались различные культурные влияния с местными формами оригинальной культуры Восточной Европы. Так, «белое пятно» в истории нашей Родины ныне закрыто, хотя работу в этом направлении нельзя считать законченной.

В исторической части почти все тезисы автора для читателя неожиданны. Китай, который казался мирной страной, обижаемой кочевыми соседями, выступает как хищный агрессор... и это убедительно доказано на широком историческом фоне. Обры представлены как реликт культуры Турана. Половцы описаны и на их азиатской родине. Византия, по мнению автора, не «второй Рим», а «анти-Рим». Нестору-летописцу Л. Н. Гумилев отказывает в доверии, опираясь на работу А. А. Шахматова и автора этих строк. Поход Святослава рассматривается не как грабительский набег славянского викинга, а как освободительная война против купеческой компании, эксплуатировавшей покоренные народы.

Все непривычно, но убеждает внутренней логикой и широтой анализа.

В заключительных главах книги Л. Н. Гумилев рассматривает причины того явления, вследствие которого большая часть памятников искусства и культуры погибла. Он полагает, что здесь играла роль не только плохая сохранность шедевров из нестойких материалов или из драгоценных металлов, которые постоянно переливали в слитки, но и иконоборческая направленность некоторых сект, а вернее, течений мысли — катаров, богумилов, исмаилитов.

Последние разделы написаны особенно удачно.

6 Силу, противостоящую уничтожающему Времени, автор видит в Жизни, порождающей страсть

и волю к действию. И он рассматривает Жизнь как планетарное явление, свойственное Земле. Укажу, что все предшествующие книги Л. Н. Гумилева имели большой читательский успех и были переведены за рубежом. Мне известно, с каким интересом относятся к работам Л. Н. Гумилева, например, в Венгрии и Польше, а также во Франции, Англии и США.

Эта книга — весомый вклад в развитие отечественной, и не только отечественной, истории. Впрочем, значение ее выходит далеко за рамки традиционного понимания истории как науки. Книга Л. Н. Гумилева, безусловно, станет заметным явлением нашей культурной жизни.

Академик Д. С. Лихачев

Оправдание книги

Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной; ее нельзя было решить без помощи географии, потому что границы регионов за исторический период неоднократно передвигались, этническое наполнение Великой степи и сопредельных с нею стран часто менялось как вследствие процессов этногенеза, так и из-за постоянных миграций этносов и вытеснения одних мировоззрений другими. Не оставалась стабильной и физико-географическая обстановка. На месте лесов возникали степи и пустыни как из-за климатических колебаний, так и из-за хищнического воздействия человека на природную среду. Вследствие этого людям приходилось менять системы хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, влияло на характер социальных взаимоотношений и культур. Да и культурные связи привносили в мироощущение населения евразийского континента разнообразие, в каждую эпоху — специфическое.

Все эти компоненты исторического процесса так тесно связаны между собой, что опустить какой-либо из них невозможно, но если добавить к ним уточнения

ские и т. п., то получится, что книга окажется собранием разнообразных сведений и, сообщая читателю, «что и кто?», не будет содержать ответа на вопросы: «как?», «почему?» и «что к чему?», ради которых предпринято ее начертание. Очевидно, для решения задачи надо применить подходящие приемы исследования.

Для описания событий, происходящих в Восточной Евразии, была применена методика подачи по трем уровням. Самые мелкие детали, необходимые для уточнения хода событий, были описаны в статье традиционными приемами исторического исследования. Этих статей — исторических, географических и археологических — пришлось написать более ста.

Второй уровень — обобщение — дал жизнь специальным монографиям (Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Открытие Хазарии. М., 1966). Все они были выполнены также традиционными приемами, за одним исключением — они были написаны не академическим языком, а «забавным русским слогом», что повысило усвояемость текста и расширило круг читателей.

Однако главная цель достигнута не была, ибо был оставлен без ответа вопрос: где «начала и концы», т. е. границы, историко-географических феноменов? Поэтому пришлось специально разобрать теорию происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды¹. Только после этого появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы. Но поскольку биосфера, как и вся поверхность Земли, мозаична, то столкновения этногенезов друг с другом неизбежны. Тогда явилась необходимость в еще одной книге, а именно в этой самой, ныне предлагаемой читателю. Но стоит ли задача такого труда, который необходим для ее решения? Стоит, и вот почему.

В истории человечества не все эпохи освещены равно. Там, где процессы социогенеза, этно-

генеза и ноогене́за (развития культуры) протекали без нарушений со стороны враждебных соседей, историкам было легко. При столкновениях этносов или государств трагические последствия просто фиксировались и одна из сторон объявлялась виновной в бедствиях другой. Но там, где вся канва истории проходила в зоне антагонистического контакта, уловить закономерность очень трудно; поэтому эти разделы истории остались либо ненаписанными, либо написанными крайне бегло и поверхностно. А жаль, ибо именно эти эпохи имели важное значение не только для их участников, но и для всемирной истории.

К числу таковых относится период IX—XII вв. в Юго-Восточной Европе. Здесь происходили контакты славян с русами, кочевников с оседлыми, христиан с язычниками, хазар с евреями. Все было перемешано и перепутано до тех пор, пока Владимир Мономах не внес вооруженной рукой ясность, после чего стало наконец понятно, где свои, а где чужие.

И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами! Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которого мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез.

Постановка проблемы

ТЕЗИС

Принцип этногенеза — угасание импульса вследствие энтропии², или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, — не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции — суперэтносы живут в своих экологических нишах — вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема — обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданностями, как правило неприятными, а иногда трагичными.

Если при таких коллизиях этнос не исчезает, то процесс восстанавливается, но экзогенное воздействие всегда оставляет на теле этноса рубцы и память об утратах, часто невозполнимых. Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности. Их следует всегда учитывать как зигзаги, само наличие коих является необходимой составной частью этногенеза, ибо никто не живет одиноко, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух систем задача легко решается противопоставлением «мы — наши враги», но при трех и более получить решение трудно. А именно три этнокультурные традиции столкнулись в Восточной Европе в IX—XI вв., и только в XII в. зигзаг истории был преодолен, после чего начался культурный расцвет при пассионарном спаде, т. е. инерционная фаза этногенеза. Это уникальный вариант этнической истории, и тем-то он представляет интерес в ряде аспектов, о которых речь пойдет ниже.

Эволюционная теория Дарвина и Ламарка была предложена для объяснения видообразования, а этногенез — процесс внутривидовой и специфичный. Уже потому применение принципов эволюции к этническим феноменам неправомерно.

Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила — персистенты (твердые, устойчивые) — не продлевают свою жизнь, а останавливают ее, как Фауст остановил мгновение; но ведь тут-то его и зацапал Мефистофель! Значит, для динамичного этноса такое решение проблемы бессмертия противопоказано.

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация); 2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия). Все три варианта можно проследить всего за один век — XII. Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами». Здесь легко проследить вариации соотношения Руси и Степи. Этим занимались самые замечательные историки XVIII—XIX вв., вследствие чего следует ознакомиться с их представлениями, но, конечно, под углом зрения этнологии, ибо эта новая наука уже показала, на что она способна. А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству,

12 быт старых этносов, будь то реликты или просто

обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови и муках он находит своей идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии. Об этом и пойдет наша беседа с читателем.

И автору, и, вероятно, читателю интересна история Древней Руси, которая, по мнению летописца, возникла как определенная целостность только в середине IX в.³. А что было до этого? Кто окружал эту новорожденную этническую систему? Кто был ей другом, а кто врагом? Почему об этом негде прочесть, хотя источники повествуют о хазарах и варягах и даже о западных славянах, тюрках и монголах? В книгах есть простое перечисление событий, в том числе недостоверных. Они сведены в синхронистическую таблицу, предлагаемую ниже, но связи между этими событиями потребовали дополнительного критического анализа и выбора точки отсчета.

Наиболее выгодным пунктом для широкого обозрения оказались низовья Волги, а проблема свелась к вопросу: почему Киевская Русь, испытывавшая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу? Для того чтобы найти ответ, стоит постараться. Но не надо забывать, что в большую цель легче попасть, чем в маленькую. Поэтому рассмотрим наш сюжет на фоне обширного региона между Западной Европой и Китаем, ибо только такой подход поможет нам справиться с поставленной задачей.

ХАЗАРИЯ И ОЙКУМЕНА ДО 800 Г.

Начнем с краткого напоминания об исходной ситуации, на фоне которой начался изучаемый процесс. Самое легкое для восприятия — это обзор ойкумены на уровне суперэтносов с учетом возрастных фаз

ненарушенных этногенезов⁴. За исключением многочисленных реликтов, в том числе самих хазар, наиболее старыми были кочевники Великой степи, потомки хуннов и сарматов, этнические системы коих сложились в III в. до н. э. В 800 г. они имели три каганата: Уйгурский — на востоке Степи, Аварский — на западе и Хазарский — на Волге и Северном Кавказе. Только в этом последнем правила тюркютская династия Ашина, прочие уже вступили в фазу обскурации, заменяя оригинальную степную культуру заимствованными мировоззрениями, и оба каганата, несмотря на внешний блеск, находились на пороге гибели.

Пассионарный толчок I в. к середине II в. породил Византию, Великое переселение народов и Славянское единство. Эти три феномена находились в IX в. на рубеже фазы надлома и инерционной фазы этногенеза. Византии предстоял расцвет культуры, славянству — расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 г., угрожала неотвратимая судьба — в недрах ее, как в соседних Скандинавии и Астурии, шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, в следующих IX—X вв. разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».

Наиболее активными были суперэтноты, возникшие около 500 г. в полосе, тянувшейся от Аравии до Японии: мусульманский халифат, от которого уже оторвалась мусульманская Испания, раджпутская Индия, Тибет, превратившийся из маленького племени ботов в претендента на гегемонию в Центральной Азии, империя Тан, уже надломленная внешними неудачами и внутренними потрясениями, и Япония, внезапно вступившая на путь реформ, что принесло ей много горя.

Эти суперэтноты находились в акматической фазе этногенеза. Пассионарность разрывала их на куски, ломала культурные традиции, мешала установлению порядка и в конце концов, прорвав оковы социальной и политической структуры, растеклась по

сектантским движениям, губительным, как степные пожары. Но это была пока перспектива, а в 800 г. халифат Аббасидов, Тибетское царство и империя Тан стояли столь крепко, что казались современникам вечными. Обычная aberrация близости, характерная для обывательского восприятия мира, — современное считается постоянным.

Но несмотря на разнообразие возрастов, вмещающих ландшафтов, культурных типов и при вариабельности политических форм феодализма между всеми перечисленными этносами, да и реликтами, было нечто общее: все они появились вследствие взрывов пассионарности в определенных географических регионах, к которым были уже приспособлены их предки — этнические субстраты. Следовательно, миграции их носили характер расселения в сходных ландшафтных условиях, привычных и пригодных для ведения хозяйства традиционными приемами. Исключение составляли некоторые германские этносы: готы, вандалы, руги, лангобарды. Так они и погибли как этнические системы, а их потомки слились с аборигенами Испании, Италии и Прованса. Этносы франков и англосаксов расширились в привычном ландшафте... и уцелели.

Благодаря этой географической закономерности в I тысячелетии н. э. почти незаметна роль этнических химер, которые если и возникали в пограничных районах, например в IV—X вв. в Китае⁵, то были неустойчивы и недолговечны. Но и тут было исключение из правил: этнос, освоивший антропогенный ландшафт вместе с его аборигенами, стал независим от природных ландшафтов и получил широкую возможность распространения. Для этого этноса ареалом стала вся ойкумена, а контакты его с местными жителями стали не симбиотичными, а химерными. Посмотрим (оставаясь в пределах окрестностей Каспийского моря), как возникали такие системы и к чему это привело аборигенов и мигрантов. Этого будет для решения поставленной задачи необходимо и достаточно.